

Ливская Евгения Валентиновна

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В ПРОЗЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

Статья раскрывает содержание темы творчества и миссии художника в произведениях С. Д. Кржижановского. По мнению писателя, одним из альтернативных миров, в котором может укрыться герой, является творчество. Частый герой новелл Кржижановского – художник, судьба которого восходит к судьбе Иисуса Христа, и далее — "архетипу" преодоления личного, индивидуального ради общечеловеческого. Отказ от творчества, или "убийство букв", лишает художника его сущности, приводит к гибели.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/27.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21): в 2-х ч. Ч. I. С. 105-108. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/3-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82-32

Филологические науки

Статья раскрывает содержание темы творчества и миссии художника в произведениях С. Д. Кржижановского. По мнению писателя, одним из альтернативных миров, в котором может укрыться герой, является творчество. Частый герой новелл Кржижановского – художник, судьба которого восходит к судьбе Иисуса Христа, и далее — «архетипу» преодоления личного, индивидуального ради общечеловеческого. Отказ от творчества, или «убийство букв», лишает художника его сущности, приводит к гибели.

Ключевые слова и фразы: русская литература начала XX века; Сигизмунд Кржижановский; тема творчества и миссии поэта; мотив двоимирия; сакральный смысл творчества; евангельские мотивы; экспериментирующая фантастика.

Ливская Евгения Валентиновна, к. филол. н.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (филиал) в г. Калуге
evgenia_livskaya@yahoo.com*

ТЕМА ТВОРЧЕСТВА В ПРОЗЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО[©]

В предлагаемой статье анализируется значимая для русской литературы тема творчества и миссии художника в прозе С. Д. Кржижановского через призму евангельской символики.

Преодоление религиозного апофатизма, по мысли писателей XX века, могло осуществляться с помощью воображения, памяти, сна, которые способны восстанавливать ту, «вторую реальность», «другой мир»: «искусство, сон и смерть оказываются такими каналами “коммуникации” между поусторонней и потусторонней реальностью, между временем и вечностью, в которых информация не искажается. Человек в искусстве, во сне и смерти равно причастен обеим сферам бытия» [4, с. 270; 10, с. 206].

То безбожие, в котором признается европейская и российская цивилизации, для XX века, по мнению некоторых мыслителей, оказывается лишь маской затаенной веры. Отсюда ощущение, выраженное Бердяевым, что с XX-м веком мир вступил в «новое средневековье», когда «Бог должен вновь стать центром всей нашей жизни» и «познание, мораль, искусства, государство, хозяйство должны стать религиозными, но свободно и изнутри, а не принудительно и извне» [1, с. 71].

Герой новелл Сигизмунда Кржижановского периода расцвета творчества писателя — это полуголодный художник, чудака, ведь «право на чудачество — единственное право полуголодных поэтов...» [5, с. 11]. В мире, где он существует, творчество-прозрение может оказаться — вопреки традиции русской литературы — не только спасением, но также источником травли героя, причиной его духовной гибели и отречения от своего детища.

Бог-Творец уходит из мира — и одновременно с ним мир покидает сама потенция творения. В новелле «Бог умер» прославленный поэт, работавший над поэмой, вдруг почувствовал, «будто кто-то коротким рывком выдернул из букв звуки, из лучей свет...» [Там же, с. 258]. Нарушается принцип соответствия формы содержанию: форма осталась, но содержания — нет. Вот она, так любимая писателем антиномия субстанциональное / номинативное. В одном из ранних стихотворений Кржижановский пишет:

Меж душой и миром тишина:
Там, над тишиной, повис узорный мостик.
По его излому в мир идут слова,
Чтобы в плоть облечь там букв сухие кости.
Поэту [8, ед. хр. 71].

Другой Поэт, именно так, с заглавной буквы, автор «Сонетов Весне» (новелла «Поэтому») отрекается от собственного детища, ради мещанского счастья с прагматичной Митти и новых, блестящих гуталином ботинок вместо стоптанных сапог. Человек, ранее засматривающийся на изумрудные огни квадрата Пегаса, задерживает шторм и, будучи уже солидным Иваном Ивановичем, переезжает с семейством в новый дом («Квадрат Пегаса»).

В том случае, когда на «дар» появляется спрос, Кржижановский поворачивает мотив художника и его творения оборотной стороной — выставлением его на продажу. В полуфантастике-полусатире «Проданные слезы» (1922 г.) дар девочки, ее умение плакать алмазными слезами, становится для родителей предметом бойкой торговли и источником быстрого обогащения. Заканчивается новелла в духе народных сказок о жадных богачах и гоффмановских новелл о филистерах. Однажды Нета начинает плакать обычными слезами: «это были обыкновенные человечьи слезы, бессильные прозвенеть алмазным звоном и ограниться в драгоценный блеск» [5, с. 232]. По замечанию И. Делекторской, сюжет новеллы вырастает из гиперболизированного мотива Ф. М. Достоевского о цене «слезы ребенка» [3, с. 27-28]. В этой, пожалуй, единственной «детской» вещи Кржижановского неслучаен образ ребенка, становящегося жертвой, которую взрослые кладут на алтарь золотого тельца. Именно творец, художник у Кржижановского оказывается тем агнцем на закланье, творцом, который, согласно евангельской традиции, своею жизнью искупит грехи человечества.

Мотив дара-жертвы последовательно проходит через новеллы писателя, посвященные проблеме взаимоотношений между художником и его творением. Эта проблема оказывается связанной с принципом эстетического двоемирия, унаследованного писателем от символистов. По словам одного из героев Кржижановского, «если на библиотечной полке одной книгой стало больше, это оттого, что в жизни одним человеком стало меньше» [5, с. 7]. В зрелом творчестве писатель приходит к выводу, что надежда есть, и с уходом одного творца жизнь продолжается, на смену ему приходят другие, и процесс творения не прерывается. Тем не менее, целым корпусом произведений («Книжная закладка», «Клуб убийц букв», «Бумага теряет терпение», «Поэтому») Кржижановский утверждает: цена еще одной книги на библиотечной полке — жизнь самого художника. Читаем в записной тетради: «Для тех, кто пишет кровью сердца: сердце плохая чернильница» [8, ед. хр. 72]. Быстро заканчивается.

Идея подобного «художественного» обмена в русской литературе не нова, однако герой новелл Кржижановского 1920-1930-х годов, выбирая «между полкой и миром, предпочитает мир» и предлагает весьма оригинальное решение проблемы: «Из пестрой россыпи слов» художник уходит в «бескнижие» [5, с. 15]. Любое творчество заразительно, по своей сути, оно призывает читателей творить — совсем как Бог, создавший человека по подобию своему и сразу же передавший ему свои творческие способности, считает Кржижановский. И сразу же задает вопрос: подразумевается ли, что писатель уважает свободу творчества читателя? «Если писатели мешают друг другу осуществлять, то читателям они не дают даже замышлять, — утверждает герой Кржижановского, сам бывший писатель. — Читатель, я бы сказал, не успевает иметь замыслы, право на них отнято у него профессионалами слова, более сильными и опытными в этом деле: библиотеки раздавили читателю фантазию...» [Там же, с. 16]. Возможно, написанная, но не прочитанная книга ведет только полусуществование. Публикация выпускает в толпу мужчин и женщин стаю «бумажных вампиров» [9, с. 18], жаждущих крови, если угодно, крылатых агентов «Щелиного Царства», разлетающихся на поиски читателей. Стоит книге наброситься на читателя, как она наполняется его теплом и мечтами, расцветает и, наконец, становится целым воображаемым миром, все увеличивающим свои владения по мере очередного прочтения.

Герой повести «Клуб убийц букв» оказывается гостем на странных собраниях, которые каждую субботу устраивает у себя некогда знаменитый писатель. В течение пяти суббот пять гостей писателя делятся замыслами новых произведений, которые никогда не будут напечатаны.

Суббота — день, когда Иисус Христос был мертв. Повествование о «субботнем» мире меж смертью и воскресением — это, в сущности, повествование о природе творчества и судьбе художника. Такова имплицитная логика, движущая повествование «Клуба убийц букв». То, что субботы, по которым собирались герои повести в Клубе убийц букв, «восходят» к субботе Иисуса Христа, подтверждается не только существенной общностью фигур художника и Христа (а это для Кржижановского является бесспорным) [2, с. 14]. Тому есть и внешние, «формальные» подтверждения — так называемые «подсказки» автора. Во-первых, все время действия в рамочном повествовании — это цепь суббот, что неслучайно. Во-вторых, дважды в повести интерпретируется евангельский сюжет. Первый раз в новелле говорится о празднике Осла, время действия которого — вербная суббота, а «прототипом» праздника является осел, на котором Иисус Христос въехал в Иерусалим. Второй раз Кржижановский пишет о молчащем Иисусе Христе и своеобразном Евангелии от молчания в новелле о Ноткере Заике. В-третьих, в финале повести автор напрямую субботы «замыслителей» ставит в один ряд с воскресением, «типологически» схожим с воскресением Иисуса Христа: «Вот уже четвертая ночь на исходе. В-четвертых, главный «замыслитель», председатель Клуба убийц букв, именуется, помимо прочего, еще и «хозяином суббот» [5, с. 60].

Логика судьбы художника, чье существование — балансирование, по определению Кржижановского, меж «быть» и «не быть», меж жизнью и смертью, — соотносится, таким образом (на уровне самых предельных обобщений), с логикой судьбы Иисуса Христа. Слово Христа стало бессмертным ценой распятия и ценой воскресения. Такова же, по Кржижановскому, и судьба — до смерти и после нее — художника.

Основная пружина конфликта «Клуба убийц букв» — попытка метафизического бунта художника против логики такого «обмена» — жизни на книгу. Семь «замыслителей» Клуба убийц букв решили уйти в мир «бескнижья», «захлопнув крышку чернильнице», перестав писать, оставляя «сложноцветие замыслов» «неовещественным» [Там же, с. 14]. «Нисхождение» «замыслителей» из «царства» «сложноцветия замыслов» в мир конкретной книги оказывается аллюзией нисхождения Иисуса Христа в свою земную судьбу. Писатель акцентирует внимание на необходимости и неизбежности «падения» Сына Божия. Именно поэтому, по законам этой же логики, бунт замыслителей против своего предназначения, своей судьбы, их уход в «безбуквие» неправомочны. Нельзя, захлопнув крышку чернильнице, остаться писателем.

Очевидна переключка повести «Клуб убийц букв» и с написанной годом позже новеллой «Книжная закладка» (1927 г.), где темы, в присутствии слушателя, оттачиваясь и варьируясь, превращаются в произведение, которое никогда не будет написано. В отличие от героя новеллы, не пишущего от безнадежности, из-за невозможности напечататься (автобиографический мотив), персонажи «Клуба...», по словам В. Перельмутера, творящие современный «Септамерон», сами отказываются от литературы [Там же, с. 26].

Тема «ухода в безбуквие» затем появляется в эскизе писателя «Бумага теряет терпение» (1929 г.). Собственно метафора, на которой строится «эскиз», по предположению В. Перельмутера, попадает туда в результате работы Кржижановского над статьей «Алексия» для «Словаря литературных терминов» [Там же, с. 37]. Логика развития образа выглядит так: если «листы» мозга, с записанным на них алфавитом, в один совсем не прекрасный день вдруг могут оказаться чистыми, пустыми, то почему совершенно то же самое не может произойти с бумагой? «Ей надоело нести на своих плоских покорных листах буквы, буквы и снова буквы; мириады бессмыслиц, притворившихся смыслами...» [Там же, с. 148].

Что происходит в тот момент, когда Бог покидает мир? По мнению Кржижановского, слово и человеческий язык в целом утрачивают свою формативную функцию в силу отсутствия адресата «высказывания». Смерть Слова последовательно приводит к изыманию «священного содержания» из слов (умирает поэзия), а затем к исходу формы, то есть буквы. Теперь, если сам человек — Ничто, откуда буквам и словам получать содержание? Из человека. «Я вынимал их — буквы, слова, фразы — целыми пригоршнями из себя...» [Там же, с. 10]. «Обмен» художника на книгу приобретает у Кржижановского подчеркнuto физиологичный характер. Художник действительно забирает жизнь у себя, чтобы оживить мертвое слово. «Экстазы четырех ночей взяли из меня все: до предела. <...> Мое писательство, начавшееся — так неожиданно для меня, — еле родившись и умрет. Без воскресения (библейская аллюзия на казнь и воскресение Христа)... словами я не владею; это они овладели мной, взяли меня напрокат как орудие мщения» [Там же, с. 132].

Очевидно источник трагического пафоса творчества Кржижановского — фатальная зависимость человека от взятого социалистами во главу угла исторического времени, для обозначения которого писатель сочинил оригинальную метафору «Щелиного Царства». Оно вынуждает героя Кржижановского уходить в альтернативные миры, одним из которых (если не основным) является мир творчества. Но несуществующие реальности подчас оказываются не менее опасными, чем распадающееся на щели небытие.

В 1920-1930-е годы, когда, по выражению одного из героев Кржижановского, смерть победила жизнь, полноценно творить невозможно. Рядом новелл писатель доказывает, что созидание либо становится объектом бездушной купли-продажи («Проданные слезы»), либо причиной травли и смерти художника: духовной и/или физической («Бог умер», «Поэтому», «Клуб убийц букв»). Размен своей жизни на жизнь книги — вот тот крест, который, по мнению автора, давит на плечи художника. Тема творчества и предназначения творящего в зрелых произведениях писателя сопряжена с евангельской символикой. Отсутствие выбора у героя Кржижановского сближает его с Сыном Человеческим, принявшим на себя смерть за грехи человечества. Лишенный божественного вдохновения, художник вынужден черпать жизненную силу из собственного сердца, в буквальном смысле оживлять смыслом мертвое слово, поить лингвистического «вампира» кровью сердца («Бог умер», «Клуб убийц букв»). Эта «физиологичность» взаимосвязи смерти и творчества у Кржижановского, несомненно, перекликается с опытом его предшественников и современников. Вспомним визуальный ряд пушкинского стихотворения «Пророк»: грудь, рассеченная мечом, и вырванный язык. Или же строчки, «хлынувшие горлом» и убившие «с кровью» у Пастернака:

О, знал бы я, что так бывает,
Когда пускался на дебют,
Что строчки с кровью — убивают,
Нахлынут горлом и убьют! [7, с. 89]

Рассматриваемый Кржижановским вариант отказа от творчества также не оказывается панацеей. Уход в бескнижие, другими словами, «убийство букв», рано или поздно приводит художника к самоубийству (духовному и позднее физическому) [6, с. 91]. Потому что художник, по мысли Кржижановского, не может перестать творить. Судьба художника и судьба Иисуса Христа, по мнению автора, схожи — это отступление от личного, индивидуального (личной судьбы) ради общего, общечеловеческого.

Сопоставление ранних (включающих стихотворения и дневниковые записи) и зрелых произведений писателя обнаруживает эволюцию темы творчества в прозе С. Кржижановского. Его ранние работы наполнены трагическим пафосом, а герой-художник предстает изгоем, изгнанником, одинокой, непонятой душой, приносящей себя в жертву собственному творению («Поэту», «Ныне отпускаеши»). С его гибелью мир покидает сама потенция творения, священный акт творчества прерывается. В зрелых новеллах писателя, напротив, появляется идея преемственности и непрерывности процесса творчества. Кржижановский верит: с уходом одного художника сам процесс творения не прекращается, и жертва героя не напрасна: он продолжает жить в своем произведении. Для художника только такой путь (драматичный, а иногда по своему финалу и трагичный) «преодоления себя» обеспечивает полноту творческого бытия и — в конечном счете — бессмертие.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Опыт эсхатологической метафизики. Творчество и объективация. Париж: YMCA-Press, 1947. 267 с.
2. Горошников В. В. «Евангелие от молчания» и «*Silentium*» от Кржижановского» в повести «Клуб убийц букв» // Ярославский педагогический вестник. Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, 2005. № 1. С. 14-20.
3. Делекторская И. Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского: от шекспироведения к философии искусства: дисс. ... канд. филол. наук. М.: ПроСофт-М, 2000. 180 с.
4. История русской литературы XX века (20-50-е гг.): литературный процесс: учеб. пособие. М.: Изд-во МГУ, 2006. 450 с.
5. Кржижановский С. Д. Собр. соч.: в 5-ти т. СПб.: *Simposium*, 2001. Т. 2. 700 с.
6. Ливская Е. В. Проза С. Д. Кржижановского: монография. Калуга: Эйдос, 2012. 205 с.
7. Пастернак Б. Собр. соч.: в 5-ти т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 1. 751 с.
8. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 2280. Оп. 1.
9. Турнье М. Полет вампира. Заметки о прочитанном. М.: Издательский дом «Стратегия», 2004. 320 с.
10. Федотова Н. Ф. А. С. Пушкин: у истоков избавления от культуры // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 7 (18): в 2-х ч. Ч. II. С. 206-208.

THEME OF CREATIVITY IN PROSE OF S. D. KRZHIZHANOVSKII

Livskaya Evgeniya Valentinovna, Ph. D. in Philology
Financial University under Government of the Russian Federation (branch) in Kaluga
evgenia_livskaya@yahoo.com

The author reveals the content of the theme of artist's creativity and mission in S. D. Krzhizhanovskii's works. According to the writer, one of the alternative worlds, which can hide the hero, is creativity. Popular hero of Krzhizhanovskii's stories is an artist, whose fate goes to the fate of Jesus Christ, and then – to the "archetype" of overcoming personal, individual for the sake of universal. Renunciation of creativity, or "murder of letters", deprives the artist of his essence, leads to death.

Key words and phrases: Russian literature of the beginning of the XXth century; Sigizmund Krzhizhanovskii; theme of poet's creativity and mission; motive of two-worldness; sacred sense of creativity; evangelical motives; experimenting fiction.

УДК 821.512.157

Филологические науки

В статье рассматривается письменный текст олонхо «Нюргун Боотур Стремительный», созданный поэтом П. А. Ойунским, в аспекте мифологизма эпического сюжета. При этом основное внимание уделяется пространственно-временной организации эпического нарратива, мотивам творения, вечной бытийности, отдельным образам мифологического происхождения. Выявляются наиболее устойчивые элементы мифологической повествовательности, актуализированные в момент становления письменной традиции якутского эпоса.

Ключевые слова и фразы: эпический жанр; мифологизм; устная традиция; письменная традиция; героический эпос олонхо; якутская литература; сюжетные мотивировки; прием ретардации.

Макаров Семен Семенович

Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова
Others3@mail.ru

**МИФОЛОГИЧЕСКИЕ МОТИВЫ В ОЛОНХО П. А. ОЙУНСКОГО
«НЮРГУН БООТУР СТРЕМИТЕЛЬНЫЙ»[©]**

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 12-04-00122 на проведение научных исследований.

Проблема повествовательной преемственности мифа и разных жанров архаического фольклора является достаточно разработанной в теоретическом плане в трудах Е. М. Мелетинского, С. Ю. Неклюдова, М. И. Стеблин-Каменского, П. А. Гринцера и др. Сюжеты и образы якутских олонхо неоднократно привлекались исследователями для иллюстрации сохранения в героическом эпосе элементов мифологического геноза. В то же время вопрос о трансформации мифологических повествовательных моделей при переходе эпического сюжета из устной традиции в письменную остается малоисследованным.

Якутское олонхо в стадийно-типологической классификации, разработанной Е. М. Мелетинским, определяется как «архаический эпос» [4, с. 249]. Он удерживает сюжетную канву архаической «богатырской сказки» и повествует о борьбе с первобытным хаосом, созидании миропорядка. Классификация сюжетов, предложенная Н. В. Емельяновым в монографии «Сюжеты якутских олонхо» (1980), основывается на принципе разграничения типологически «ранних» и «поздних» сюжетов эпоса по особому типу героя, действующего в том или ином сюжете: ранние формы повествуют о герое-первопредке, поздние – о героях-защитниках племени. Изменение эпической традиции олонхо во времени может быть описано как движение от наиболее архаических форм, сохраняющих существенные мифологические черты, к более поздним сюжетам, возникшим в эпоху ведения контактного боя, когда эпос начинает разрабатывать тему патриархального патриотизма, становясь по существу «героическим». Степень архаичности сюжета эпоса, таким образом, находится в прямой связи с его мифологичностью.

Показательным в плане изучаемой проблемы представляется первый прецедент создания письменного текста якутского эпоса – олонхо П. А. Ойунского «Нюргун Боотур Стремительный» (1929-1932). Это концептуальный текст, положивший начало письменной традиции якутского эпоса. Первый прецедент создания письменного олонхо задумывался автором как инвариантный срез всей эпической традиции и появился в результате контаминации нескольких сюжетов устных вариантов. В связи с этим он представляет для исследователя возможность выявления элементов мифологической повествовательности, удерживавшихся